

P. Tom

Европейский кризис культуры как предпосылка к войне

«И теперь, окунувшись в глубь истории художественных образов и тем став неуязвимым для упреков в крайнем художественном радикализме, я могу смело и убежденно сказать, что не ошибается тот, кто уверен, что мы — свидетели величайшего исторического момента итогов и концов во имя новой неведомой культуры, которая нами возникнет, но и нас же отметет. А потому без страха и неверия я поднимаю бокал за разрушенные стены прекрасных дворцов, так же как и за новые заветы новой эстетики».

С. П. Дягилев (1905)

Конец XIX в. породил фундаментальную проблему, ставшую характерной и для начала XX в., — господство в монархиях сословной системы, не позволявшей прийти к власти новым слоям общества, которые стремились, участвуя во власти, вытеснить аристократию и создать свою, новую культуру. Таким образом, эта культурная, или цивилизационная, война имела определенную социальную базу, представленную прежде всего городскими слоями, выражавшими явное неуважение к монархии. Антимонархические настроения начала XX в. охватили весь европейский континент, и старый режим видел только два пути спасения: террор или война.

В конце XIX в. в Европе возникли новые культуры, что было обусловлено социальной дифференциацией общества. Свою псевдонародную культуру создает городское население, появляется «уличное» искусство и «политические» кабаре, где в художественной форме пародируются монархии; в псевдонародных танцах (вальс, полька) и новых песнях отражаются новые мо-

Растислав Том,
профессор,
Трнавский университет
(Трнава, Словакия)

ральные ценности; изобразительное искусство отходит от дворянской эстетики и обращается к гражданской жизни; архитекторы вместо соборов, замков и дворцов строят виллы, фабрики и жилые дома.

Важным фактором становления новой культуры стала свобода слова — не только право аристократии, но принадлежащее теперь и буржуазии. Художники раньше, чем политики, указали на серьезные проявления кризиса культуры в жизни городских слоев. Г. Ибсен, Э. Золя, Б. Шоу, Г. Манн обратили внимание на сомнительную нравственность представителей новых богатых слоев в обществе. «В своих драмах Ибсен выступил против многих проявлений несправедливости в общественной жизни своего времени; любимыми темами его творчества были зависимое положение женщин и жестокость мужчин, стремящихся к повышению своего социального статуса. Но почти все пьесы Ибсена были направлены также и против того, что он считал общим недостатком современного общества — лицемерия мещан, которые ради сохранения внешнего впечатления респектабельности строили свою жизнь на лжи, безжалостно осудив тех, кто согрешил против принятого морального кодекса»¹. Культурный кризис, таким образом, обнаруживался не только в отношениях между старой и новой цивилизациями, но и внутри новой, которая должна была стать носителем прогресса.

Отсутствие морали и рост социальных различий не могли объединить общество, равно как и представители городских слоев с их «культурной неподготовленностью» не способны были заменить аристократию. Создавалось впечатление того, что этот кризис будет устранен какой-то формой насилия. Даже парламентская демократия переживала кризисные явления, свойственные и общественной жизни: коррупция, некомпетентность, высокомерие власти и собственности, возвышение развивающихся элит над гражданским большинством. Сторонники декадентских направлений склонны были усматривать в монархических режимах больше положительного, чем в новых явлениях городской жизни эпохи «толпы». Даже католическая церковь обратила внимание на создание крупных слоев бедноты, которые дестабилизируют общество². Проблема нестабильности, угрожающей государству, должна была иметь какое-то решение, что поставило вопрос о справедливости в государстве. «Справедливость является центральной темой политической этики. Внутренний мир общества должен основываться на праве и обеспечиваться с помощью законов. Если законы считаются несправедливыми, то мир находится под угрозой»³. Соответственно, новая эпоха поставила и важный вопрос о природе государства. Монархия была центром суверенной государственности, либерализация же низвела государя до маргинальной роли политика, а аристократический образ жизни перестал быть моделью образа жизни. Этот вопрос в столь трудный период должен был быть решен элитой.

Элита. Индустриальная эпоха привела к созданию новых культурных, экономических, политических элит, и усложнила дальнейшее существование элиты духовной. Формируется

не только экономическая, но и научная элита, которая помогла создать индустриальную эру; культурная элита способствовала формированию культуры широких масс населения. Эти группы элит создали некий совместный комплекс духовного господства, и их деятельность имела синергетический эффект. Помимо существующей проблемы между старой и новой культурой, также возникло определенное несоответствие между новой духовной и формирующейся политической элитами. Либерализация власти, атрибуты «демократии» противоречили позиции элит в обществе. «Тот, кто посмотрит на историю этого понятия, концепции, теории и практики демократии, должен заключить, что это слово никогда не было счастливым открытием, потому что демос, народные массы, не могут править никогда...»⁴ — писал Й. Хейзинга. И далее философ замечает, что «на самом деле жалко, что культуры, которые выросли из племени Эллады, не приняли вместо слова “демократия” термин, который был не только чрезвычайно полезным в Афинах благодаря своей истории, но и отражает основную идею действительно хорошей формы правления, — “исономия”, равенство перед законом»⁵. Таким образом, с самого начала либеральной революции в развитии социальной реальности обнаружилось серьезное противоречие, когда свобода слова ограничена цензурой, с помощью которой правящие слои защищают свой статус. Введение и перманентное расширение избирательного права, в свою очередь, привело к иллюзии всеобщего равенства, которое не могло быть реализовано на практике.

Р. Генон писал по этому поводу: «Элита в своем изначальном смысле может представлять собой только меньшинство, и ее сила, а точнее, ее авторитет, основывающиеся на ее интеллектуальном превосходстве, не имеет ничего общего с силой количества, на которой основывается демократия, в соответствии со своей собственной логикой настаивающая на принесении меньшинства в жертву большинству, а значит, качества в жертву количеству, и элиты в жертву массам. Поэтому направляющее воздействие подлинной элиты и даже сам простой факт ее существования — естественно, она может выполнять свои функции, при условии, что она действительно существует — в принципе не совместимы с демократией, основывающейся на эгалитарных концепциях, а значит, на отрицании всякой иерархии (ведь в самом своем основании демократическая идея исходит из предположения, что любого индивидуума вполне можно заменить другим индивидуумом, так как все они математически тождественны, хотя на этом математическом тождестве все сходство и заканчивается)»⁶. Самые глубинные основания социального кризиса — кризис ценностей и элит. В период, предшествовавший началу мировой войны, возникают эти базисные основы кризисов, которые продолжают существовать до нашего времени, хотя, конечно, в меняющихся синусоидах. Кризис элит является вершиной любого кризиса культуры, поскольку базовые ценности всегда определяет элита. В конце XIX в. определился крах элиты — было неясно, какая культура станет господствующей, разовьется в будущем и получит общественную поддержку: народная и псевдонародная культура или элитарная? Как отнесется государство к этой

проблеме? Какие будут сформированы ценности и идеалы для нового века? Какие формы управления возникнут и будут приняты различными социальными классами? Как сформировать новый социальный авторитет? Каким образом пойдет раскол общества и вызовет ли он угрозу революции и войны?

Кризисы элит всегда угрожают миру, внутреннему и внешнему. Поддерживать мирное развитие Европы в таком состоянии было уже невозможно. Ситуация дополнилась и изменением кредо европейского сообщества: вместо монархического «честь и слава» пришло буржуазное «власть и имущество». Стало явным культурное противоречие платформ и, следовательно, деятельностей по их осуществлению. Носитель власти до недавнего времени был династически предопределен, но создание избирательной системы и введение некоторых демократических правил сделали власть условной и относительной. В отличие от династического и сословного правления, власть могла быстро переходить из рук в руки, могло также быстро измениться и имущественное положение. Неуверенность и нестабильность стали одной из главных особенностей общества, и современные герои должны были упрочить чувство уверенности. До мировой войны медиа рассматривали разбогатевшую часть общества и часть представителей художественной сферы как героев. Ими стали также ученые, чьи изобретения помогли ускорить промышленное развитие. «Культ героизма сам по себе есть показатель кризиса. Он означает, что понятия служения, миссии, долга больше не имеют достаточно силы, чтобы стимулировать энергию общества. Ее нужно усиливать, как голос через громкоговоритель. Энтузиазм людей нужно раздувать, а может быть, и надувать»⁷. Герои должны были стать спасителями, исправить то, что расшатала политики и новые социальные слои, возродить умирающий режим и упорядочить нарушенные внутренние и международные отношения, несмотря на то, что они были не в состоянии влиять на общественное мнение, которое все определеннее становилось военизированным. И хотя нельзя говорить о возникновении в это время национализма в строгом смысле этого слова, уже до войны было подготовлено общественное мнение, согласно которому за все основные проблемы ответственность несут другие государства, которые должны быть наказаны. Восторженные публичные ожидания войны были последним шагом к ее развязыванию.

Говоря о кризисе культуры, нужно отметить, что социальный кризис влияет на все компоненты культуры и везде проявляется особым образом.

Политическая культура после либеральной революции во Франции находилась в зачаточном состоянии. Были созданы новые институты власти, которые должны были демократизировать общество и выработать новую мораль, что было необходимо для появления новых субъектов политики — граждан, но вместо этого возникали политические партии и влиятельные личности как новое правящее меньшинство. Прежде всего необходимо было завоевать доверие общественности, которая постепенно превращалась в гражданство,

и оно должно было взять власть в свои руки. «Культуры в основном формируются из трех источников: (1) из доверия, ценностей и предложений основателей организации; (2) жизненного опыта людей...; и (3) новых верований, ценностей и предложений, представленных новыми лидерами»⁸. И хотя возникло новое государство, старый режим сохранялся, что порождало напряженность между старой и новой политической культурой. Развивающиеся политические партии продемонстрировали культуру по типу арены: боролись не только друг против друга, но и в своих собственных организациях, заменив своими амбициями амбиции представителей прежних династий. Если семьи в монархиях стабилизировали режим, то партии в либерализованной системе дестабилизировали его. Таким образом, политическая культура приобрела свои основные характеристики: противоречивость, нестабильность, относительность и неопределенность всех отношений.

Если политику понимать как «мудрое стремление к общему благу»⁹, то в условиях кризиса общества практически невозможно определить это «общее благо», поскольку борьба классов и политических группировок приводит к появлению массы недовольных граждан. Стремление ослабить напряженность внутри страны и избежать революции вызывало необходимость направить внимание общественности против иностранных государств и их политиков, приведя в конечном итоге к возникновению военной истерии. Новые государственные институты, которые должны были устанавливать социальную гармонию, утрачивали доверие общества в силу очевидной безнравственности политиков, порождали определенные сомнения и вопросы: что же полезнее для общества — либеральные институты или же старые, монархические? Как полагает Питер Друкер, «Просвещение и Французская революция определили свободный девятнадцатый век. Но их вклад был абсолютно отрицательным; это был динамит, взорвавший обломки старой структуры. Однако ничего не было заложено в фундамент нового свободного строя, на котором созидался режим девятнадцатого века. Напротив, Просвещение, Французская революция и их последователи, вплоть до современных рационалистических либералов, являются непримиримой оппозицией свободе. Рационалистический либерализм тоталитарен по своей сущности»¹⁰. П. Друкер также отмечает, что старый режим был в руинах, хотя еще дышал, но в этих руинах были созданы лишь фрагменты нового режима, а не всей его структуры, что нашло отражение в анархизме. Анархия и декаданс с неизбежностью становились частью культуры конца XIX в.

XIX в. стал веком революций, и революционный этос доминировал в настроении общества. Возникла культура насилия — группового и индивидуального; организованного как государством, так и против него. Либерализм снизил запросы служения и ответственности и, напротив, его следствием стала активизация революционной деятельности.

Нравственность. Резкая социальная дифференциация общества проявилась и в «конфликте морали» социальных классов. Несовместимые слои общества дали несовместимые

же «пакеты» моральных ценностей: аристократического *credo* — честь и слава, и буржуазного — власть и имущество. В дополнение к этому конфликту возникает раскол между имущими и неимущими слоями. Вопрос о свободе — это прежде всего философский вопрос, который реализуется на политическом уровне в рамках правовой системы. Однако реальное существование социума, условия жизни основаны вовсе не на философии свободы, а на практической ее интерпретации. Неслучайно на европейском континенте были созданы социал-демократические партии, а в Великобритании часть депутатов-лейбористов откололась от либералов.

В конфликте систем моральных ценностей ощущался высокий накал воинственности. Это был вопрос не координации и гармонизации различных систем ценностей, а их победы или поражения, в том числе и их носителей. Несмотря на то, что мир является одной из ключевых ценностей человечества, он всегда был основан на поражении «врага» и его подчинении победителям. Со времен Французской революции мы видим создание своего рода морального расизма — одна мораль хороша, другая должна быть изолирована и уничтожена. Этот принцип, существующий и сегодня, облечен в милитаристские формы, а Европа около двух веков продолжает оставаться конфронтационным полем для различных моральных систем. Конец XIX – начало XX в. ознаменовался усиленным поиском повода для начала кровавого конфликта, и поскольку мораль в тот период отождествлялась с государственными нациями, не осталась вне сферы борьбы и этническая принадлежность. Здесь необходимо обратиться к оценке реальной политики.

В связи с этим необходимо уточнить понятие «справедливости». «В XIX веке понятие социальной “справедливости” стало мощным стимулом борьбы с эксплуатацией и теми, кто ее порождает»¹¹, было стремление получить то, что социальные слои заслуживали и на что имели право. Конечно, различные социальные группы интерпретировали понятие справедливости в соответствии с их целями. Велась борьба между различным пониманием справедливости, в которой аристократия не хотела терять власть, а буржуазия хотела богатеть и принимать решения. Это все принадлежало уже новой морали и гражданской оценке добра и зла, то есть новому пониманию социальной справедливости.

Экономическая культура. Основой новой экономической культуры в XIX в. стала идея свободы бизнеса как выражение общей экономической свободы, что требовало роста степени индивидуализма. Человек получил право вести бизнес и преуспеть независимо от происхождения и профессиональной принадлежности. Казалось, что приоритет будет отдан промышленному производству, которое было решающим для формирования индустриальной эры. Индустриализация привела к концентрации производства, возникновению крупных промышленных центров, росту городов, а с ростом городского населения возрастало богатство и, следовательно, влияние городов, которые в результате либерализации системы получили также и политическую власть.

Почти незаметно, но очень быстро распространилась внутренняя и внешняя торговля, предопределившая производство (его характер, масштабы и направленность). Авраам Линкольн незадолго до своей смерти написал: «...были возведены на престол корпорации, а за этим последует эра коррупции среди высокопоставленных чиновников, и власть денег в стране будет пытаться продлить ее господство, борясь с предубеждением людей, пока все богатство не сосредоточится в нескольких руках, и республика не будет разрушена»¹². В отличие от единых Соединенных Штатов, Европа была разделена, и великие европейские державы боролись за господство на континенте. Объединения, возникшие внутри отдельных государств, создали правовую защиту собственных ассоциаций и корпораций, и становилось ясно, что экономически сильные страны будут диктовать свою волю другим.

Экономическая борьба — это прежде всего борьба за ресурсы и рынки, посредниками в которой выступают торговые компании. Как известно, наибольшая прибыль связана с государственными заказами, в первую очередь на вооружение. Государство оплачивает свои обязательства в любой ситуации; кроме того, военные заказы достаточно объемны, и контролировать их очень трудно. Поскольку для государственных заказов необходимо одобрение правительственных чиновников и политиков, то, по словам Авраама Линкольна, в действиях государства в экономической сфере возникает мотивация для коррупции. Индустриальная эра повлекла особые отношения между экономикой и политикой, не только аморальные по сути, но и ставящие под угрозу любое государство; для рубежа XIX–XX вв. это была угроза возникающим демократиям. Предотвращение широкой коррупции со стороны стремящихся к неофициальной власти корпораций еще было возможно в конце XIX в., но политическая сфера была деморализована борьбой социальных слоев и «выразителями их интересов». Мораль была заменена личными и групповыми выгодами. Другой американский президент Резерфорд Б. Хейс говорил о том, что существует не «правительство людей и для людей», но «правительство торговых компании, обслуживающих интересы торговых же компаний»¹³. Это подрывало влияние производства на формирование нового общественного строя. Казалось бы, производители определили потребности граждан, на самом же деле бизнесмены, создавшие рыночный механизм, вносили изменения в его правила. Свобода предпринимательства осталась, но распределение возможностей строго регулировалось. Реальную экономическую власть получили компании-посредники. Таким образом, возник замкнутый круг: вместо самого народа им управляли политические партии, и вместо производителей рынок формировали торговцы. Приведенные здесь высказывания американских президентов завершают критический обзор зарождающейся системы с точки зрения морали и, следовательно, определения ее сущности. С появлением индустриальной эпохи вся человеческая энергия была нацелена на успех. Однако успех — строго индивидуальная категория, и даже достижения страны являются успехом политиков, военных, деятелей искусства, спортсменов и т. д. О. Шпенглер

отмечал: «Если в мире истины рассуждают доказательства, то, безусловно, в мире фактов рассуждает успех. Успех означает триумф одной формы существования над другой»¹⁴. Поскольку успешность может быть измерена богатством, наиболее очевидно она проявляется в экономике. Таким образом, в игры за будущее в этот период вступили хозяйственные объединения, особенно производственные и торговые компании, финансовые учреждения, а также профсоюзы. По словам Д. Ланды, в идеальном обществе должны быть институты, которые обеспечивают «честное правительство, при котором экономические субъекты не ищут льгот и привилегий ни на внутреннем рынке, ни за его пределами. На экономическом жаргоне это означает, что никто не должен брать в аренду права и статус»¹⁵. Идеальное общество не существует, или не может существовать, но политические усилия должны быть направлены именно к этому, чего невозможно было ожидать от политиков конца XIX в.

Культура национализма. XIX в. иногда называют веком народов. В многонациональных империях звучали требования признания прав наций на самоопределение вплоть до государственного отделения. Это были не только внутренние распри, но и спор между государствами. Успешный путь решения проблемы показали итальянцы и немцы. Их успех, однако, «был облегчен тем, что значительная часть образованных элит старого режима и даже некоторые из власть имущих восприняли идею народа как свою. Наверное, просто потому, что в момент борьбы за национальное государство действовала мощная элита; успех, то есть полноценная государственность, был достигнут в исторически короткое время; решение пришло раньше, чем полная национальная мобилизация народных масс. <...> Италия была создана как государство, на территории вновь созданной Германской империи росло мощное стремление внедрить интегральную и по-настоящему национальную, а значит, немецкую (пруско-протестантскую) идентичность против “иностранцев”, какими были католики и социалисты»¹⁶. Здесь соединились три цели (факторы), формирующие тогдашнюю национальную культуру: природа нации (ее идентичность), единое сообщество и базовые отличия от других национальных общин. Первая задача заключалась в определении принадлежности различных людей к конкретной нации и территории; вторая задача — мобилизация: заявившие о принадлежности к данной нации должны были доказать это; третья задача предполагала выработку такой степени воинственности, которая будет способна перерасти в агрессию. Это были основные моменты трансформации национальной культуры в культуру национализма. В мобилизованном национальном сознании искусство (музыка, песни, изобразительное искусство и т. д.) использовалось в качестве «национал-возбудителя». Типичным примером тому служит прекрасная опера Дж. Верди «Набукко». Эта библейская история интерпретировалась в контексте текущих событий: угнетенная нация создает сплоченную общину и побеждает в борьбе этак. Музыка стала символом сопротивления австрийскому господству над частью Италии, неписаным гимном возникающего государства

и мобилизовала людей, которые идентифицировали себя с формирующейся итальянской нацией.

В Германии в процессе формирования нового государства в музыке, литературе, живописи явно наметились тенденции к идеализации «старых времен», которые государство должно было возродить. В Словакии слагались стихи и песни, обращенные к словацкому народу и призванные мобилизовать людей, не имевшие, однако, успеха. Культура национализма, которая формировалась до начала мировой войны, достигла своего пика после появления «гиперационализма». Характеризуя современность, Й. Хейзинга писал о том, что на мировой арене действуют две силы: «патриотизм, стремящийся защитить то, что является собственным, драгоценным, желающий твердого единения и всюду и ежедневно подвергаемый самым тяжелым испытаниям в героической борьбе и терпеливой службе, и национализм, выраженный в мощном инстинкте поставить свой собственный народ выше других и за счет других»¹⁷. И далее: «После Первой мировой войны, после медового месяца, когда, казалось бы, утвердился интернационализм, показалось новое проклятие мира: бессмысленный гиперационализм, который без каких-либо оговорок ставил силу своей страны и нацию над всем остальным и не отступал ни от чего, что могло бы служить этой силе. [...] Государство было поставлено выше любых моральных обязанностей, закон был подчинен государственным или национальным интересам, внешняя политика рассматривалась как продолжение войны другими средствами, и мир был не более чем отдых между двумя войнами»¹⁸.

Формирование современных наций в XIX в. проходило на фоне идеологической конфронтации консерватизма и социализма. Если вплоть до окончания войны господствовала консервативная идеология, то после войны и поражения Германии обозначились три типа социализма: революционный, реформистский и националистический.

Героическая культура — культ насилия. Каждый народ имеет национальных героев, прославившихся своим мужеством, честностью, справедливостью и победами. В этот круг также вошли исторические фигуры — «отцы» народов и государств; новых героев дала и эпоха либерализации режимов.

Мировая война создала новый тип героя: простого солдата. Изначальный прогноз генералов и политиков относительно скорого окончания войны оказался ошибочным. Война длилась несколько лет и потребовала миллионы жертв не только на фронте, но и после, когда люди умирали от болезней и голода. Рядовой солдат стал героем, патриотом-убийцей, который повиновался, а спорадические беспорядки были жестоко подавлены. Мир как цель превратился в средство, что оказалось ошибочным путем, ведущим к новой войне. «В конце мировой войны раздавался все более настойчивый призыв, в основном, с американской стороны, определившей цель войны в “обеспечении мира для демократии”. Этот призыв того времени до сих пор остается воплощением идеала для большей части западного мира»¹⁹.

В России героями стали лидеры революции, в Центральной Европе — основатели новых государств, возникших в результате распада империи Габсбургов. Героями стали солдаты и политики-победители. Поражение воспринималось как унижение всей нации и требовало реванша. «В Германии царит общее мнение, что Франция использует мирные договоры в качестве оружия, чтобы продолжать войну другими средствами и уничтожить Германию политически и экономически, как уже уничтожила ее в военном отношении»²⁰. Это выражало настроение не только политиков, но практически всего населения.

Организационная культура — это способ организации государства и его структур, в том числе армии. Как указывает Е. Шеин, лидеры создают организационную культуру в организациях и группах, и, следовательно, она определяет лидера²¹. Возникшие в результате индустриальной революции промышленные и коммерческие предприятия, растущая банковская система не могли принять организационные принципы, работавшие в монархических режимах. Таким образом, экономика и политика различных организационных культур вступали в конфликт друг с другом, что дополнялось несовместимостью старых и новых лидеров. Следовательно, эти фундаментальные конфликты организационных культур требовали своего решения.

При этом было и нечто общее в этих организационных культурах — оба типа организаций не нуждались в демократии, предпочитая воле народа военную субординацию. Это вызывало, в свою очередь, протест рабочего класса, что привело к появлению другого типа лидеров и другого типа организационной культуры в рамках профсоюзов. В споре трех типов организационной культуры самая старая из них, монархическая, имела своеобразный гандикап — у нее не было динамики для дальнейшего развития. Напротив, экономические, профсоюзные и партийные организации в ее структуре привнесли новый импульс в развитие организационных правил, продемонстрировав новые свойства: они могли учиться и адаптироваться к новым условиям. Таким образом, налицо было столкновение статики и динамики общества.

Экономические структуры и партии принесли в общественное сознание еще один новый элемент — видение будущего, в то время как монархическое восприятие мира было абсолютно статичным и единственными изменениями были смены монархов и войны, что не вело к общественному прогрессу.

Свое видение на будущее, в котором нашлось место также и рабочим, предлагали промышленники; лидеры политических партий также создали свою концепцию, в которой обещали гражданам в перспективе лучшее положение, чем то, которое они занимали. Таким образом, видение статуса становится значимым фактором в мобилизации населения.

В столкновении организационных культур их творцы не предполагали плюрализма, и в сознании людей шла борьба за победу интересов той корпорации, к которой они принадлежали. Демократия рождалась, не принимая реального плюрализма как «единства

многообразия», и фетишизация государства стала главным явлением следующего столетия, в котором организационная культура воспринималась как культура правящих политиков. Государство должно было решить все социальные проблемы, другие организации только оценивали их состояние и развитие. Но благодаря либерализации государство утратило свою идеологическую сущность, которая осталась только в тексте конституции, и организационную культуру создавали — и до сих пор создают — политики. Хотя организационная культура теоретически была проанализирована только в последние десятилетия, уже в конце XIX в. существовали определенные взгляды на формы возникновения организаций и их сущность.

Государство начала XX в. не ставило задачи точно определить ценности, миссию и цели компаний²². Разобщенные социальные слои, гибель исторически сложившихся сословий, возникновение политических партий и поиск ниши для компаний-производителей сделали невозможной задачу определения своей миссии и формирования целей будущего развития. Война оказалась наиболее простым способом выхода из кризиса культуры, ставшего главным признаком состояния общества.

¹ Gilbert F., *Clay Large D. Konec Evropské éry*. Praga, 2003. P. 22.

² Энциклика "Rerum novarum" Папы Лева XIII.

³ Sutor B. *Politická etika*. Praha, 1996. P. 100.

⁴ Huizinga J. *Kultúra a kríza*. Bratislava, 2002. P. 241.

⁵ Item. P. 242.

⁶ Guénon R. *Krize moderního světa*. Praha, 2002. P. 112.

⁷ Huizinga J. *Kultúra a kríza*. P. 87.

⁸ Schein E. H. *Organizational Culture and Leadership*. San Francisco, 1997. P. 211.

⁹ Sutor B. *Politická etika*. P. 47.

¹⁰ Drucker P. *Fungující společnost*. Praha, 2004. P. 27.

¹¹ Sutor B. *Politická etika*. P. 120.

¹² Цит. по: Kortzen D. C. *Ked' korporácie vládnu svetú*. Košice, 2001. P. 57.

¹³ Item. P. 58.

¹⁴ Spengler O. *Zánik Západu*. Praha, 2010. P. 650.

¹⁵ Landes D. S. *Bohatství a bída národů*. Praha, 2004. P. 222.

¹⁶ Hroch M. *Národy nejsou dílem náhody*. Praha, 2011. P. 52.

¹⁷ Huizinga J. *Kultúra a kríza*. P. 125.

¹⁸ Item. P. 239.

¹⁹ Item. P. 240.

²⁰ Coudenhove-Kalergi R. N. *Pan-Evropa*. Praha, 1993. P. 78.

²¹ Schein E. H. *Organizational Culture*. P. 15.

²² См. подробнее: Quigley J. V. *Vision*. N. Y., 1994. P. 3–15.

УДК 94(4)

Тот Р. Европейский кризис культуры как предпосылка к войне // Новейшая история России. 2015. № 1 (12). С. 122–134.

АННОТАЦИЯ: Промышленная революция привела к либерализации европейских режимов, привнесла в культуру новые элементы, ставшие основой грандиозного культурного кризиса. Это затронуло все сферы человеческой жизни: искусство, экономику, политику, и, следовательно, проявилось в общественном сознании. Новые социальные классы стремились прийти к власти, тем самым определив характер новой цивилизации. Интересы старых и новых слоев столкнулись друг с другом, их культуры были несовместимы, и, следовательно, только открытое противоборство могло стать выходом из этой сложной ситуации. Несмотря на мирную риторику, шла подготовка к мировой войне. Таким образом, кризис культуры стал наиболее опасным явлением в обществе накануне войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кризис культуры, промышленная революция, либерализация общественной системы, этика, героическая культура, экономическая культура, гиперационализм, элита.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: профессор, Трнавский университет (Трнава, Словакия); dada7dada@gmail.com

Tóth R. 'European Culture Crisis as Premise of War'

ABSTRACT: The Industrial Revolution brought the liberalization of the regime. It introduced new elements into the culture, which proved to be the source of a great cultural crisis. This crisis affected all spheres of human life, such as arts, economics, politics, and therefore impacted social consciousness. New social classes wanted power and they wanted to use it to determine the character of a new civilization. Interests of the old and new classes clashed with each other. Their cultures were not compatible, and neither were conceptions on administering the society. Thus, only an open battle could resolve that difficult situation. Although all claimed that they wanted peace, they began World War I. But it resulted not in peace but in preparation for another war. It turned out that the crisis in culture is the worst situation of the society.

KEYWORDS: Cultural crisis, industrial revolution, liberalization of the social system, ethics, heroic culture, economic culture, gipernationalism, elite.

AUTHOR: Professor, University of Trnava (Trnava, Slovakia); dada7dada@gmail.com

REFERENCES:

- ¹ Gilbert F., Clay Large D. *Konec Evropské éry* (Prague, 2003).
- ² Sutor B. *Politická etika* (Prague, 1996).
- ³ Huizinga J. *Kultúra a kríza* (Bratislava, 2002).
- ⁴ Guénon R. *Kríze moderního sveta* (Prague, 2002).
- ⁵ Schein E. H. *Organizational Culture and Leadership* (San Francisco, 1997).
- ⁶ Drucker P. *Fungujúca spoločnosť* (Prague, 2004).
- ⁷ Kortén D. C. *Ked' korporácie vládnu svetu* (Košice, 2001).

⁸ Spengler O. *Zánik Západu* (Prague, 2010).

⁹ Landes D. S. *Bohatství a bída národů* (Prague, 2004).

¹⁰ Hroch M. *Národy nejsou dílem náhody* (Prague, 2011).

¹¹ Coudenhove-Kalergi R. N. *Pan-Evropa* (Prague, 1993).

¹² Quigley J. V. *Vision* (New-York, 1994).